

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, НОРМЫ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЕЕ КЛАССОВОГО ГАБИТУСА

Татьяна Владимировна Гаврилюк (tv_gavrilyuk@mail.ru)

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Россия

Цитирование: Гаврилюк Т.В. Культурные практики, нормы и предпочтения российской рабочей молодежи как составляющие ее классового габитуса. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(3): 110–143. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.6>

Аннотация. Статья посвящена исследованию культурных практик, норм, вкусов, предпочтений и этических установок российской рабочей молодежи как составляющих классового габитуса. Такие характеристики рассматриваются как факторы производства классовых позиций и идентичностей молодежи данной социальной группы. Теоретико-методологическим основанием исследования выступает культурориентированный классовый анализ П. Бурдьё, а также рефлексивный анализ классовой культуры с опорой на категориальное поле феноменологии. В соответствии с мировой практикой к объекту исследования отнесены не только промышленные рабочие, но и молодежь нового рабочего класса современной России, занятая в сервисном секторе. Проанализированы следующие базовые характеристики культурного габитуса: интенсивность межличностной коммуникации, специфика информационного пространства, доминирующие практики досуга, музыкальные предпочтения, спорт и здоровьесберегающее поведение, алкогольные и наркопрактики, нормы классовой культуры и этические установки, оценка допустимости правонарушений, агрессии и физического насилия, степень межкультурной толерантности. Эмпирическим фундаментом выступили качественные данные 31 биографического интервью и результаты массового опроса рабочей молодежи (1534 респондента, проживающие на территории Уральского Федерального округа). По результатам исследования к существенным факторам, формирующим отличия культурных практик молодежи рабочего и среднего класса, можно отнести финансовый барьер; имидж тех или иных досуговых пространств, традиционно относимых к «высокой» культуре, как закрытых для рабочего класса; гендерные нормы, принятые в рабочей среде. Досуг молодых представителей нового рабочего класса в большей степени связан с домашним пространством, что предполагает фиксирование текущих параметров социального капитала и замыкание классовых границ. Оценка основных нормативных паттернов классовой культуры, регулирующих поведение молодых людей в социальной обстановке, свидетельствует о низкой степени межэтнической и межкультурной толерантности, а также высокой степени нормативного релятивизма,

проявляющегося в терпимости значительной части молодежи к повседневному противоправным действиям, способным принести выгоду. Представленные данные помогут органам молодежной политики и учреждениям культуры принять меры, направленные на повышение уровня вовлеченности рабочей молодежи в городское пространство, предотвращение ее маргинализации и замыкания повседневности на уровне рутинизированных бытовых практик.

Ключевые слова: рабочая молодежь, рабочий класс, культурный габитус, классовая культура, культура рабочего класса, культурные практики.

Введение

Динамичность и контингентность социальных процессов на локальном и глобальном уровнях обуславливает необходимость поиска новых концептуальных схем, способных операционально описывать реальность. Преобладающие в российском социологическом дискурсе исследования промышленных рабочих сосредоточиваются, как правило, на анализе трудовой сферы их жизни, игнорируя все остальные. В современных реалиях, когда прекарность становится доминирующим состоянием трудовых отношений, следует рассматривать сферу труда и занятости в качестве одной из детерминант классовой позиции, действующей во взаимосвязи со многими другими силами, формирующими пространство социальных различий и задающих траектории жизненного пути молодежи. Класс является агрегацией действующих сил, реализующихся не только в экономическом, но и в политическом, дискурсивном поле, а также в пространстве повседневных взаимодействий. Однако в российской социологии по-прежнему доминируют стратификационные модели, опирающиеся на различия социально-экономического статуса на основании дохода (Тихонова 2014: 77–85). В западной науке модели измерения, основанные на социально-экономическом статусе (SES), также применяются для анализа объективных параметров социального неравенства (Kim, Park 2015; Manstead 2018), но подобный подход далеко не единственный. Мы полагаем, что необходимо исследовать процесс классовообразования комплексно, не ограничиваясь выбором единственного доминирующего основания. Для этого следует аналитически разделить различные поля воспроизводства классовых позиций и границ, принимая во внимание множественные силы, участвующие в этом процессе.

В рамках статьи мы сосредоточимся на том, какую роль играют различные характеристики культурного габитуса — повседневные практики, нормативные паттерны и этические установки, художественные вкусы и предпочтения — в производстве классовых позиций и идентичностей

российской рабочей молодежи. Подобный ракурс анализа позволит раскрыть проблематику социальной дифференциации посредством выявления символических факторов, обуславливающих устойчивость или подвижность классовой позиции, возможностей и ограничений социальной мобильности представителей рассматриваемой социальной группы. Исследование классовой специфики культурного габитуса позволит прояснить, как на уровне повседневности формируются и закрепляются классовые границы, которые невидимы для членов группы, но часто непроницаемы для всех остальных.

Классовые отношения сегодня не являются частью идеологии и не артикулированы открыто, но имплицитно заложены в логике повседневных категоризаций. Исследования повседневности имеют особую значимость в понимании класса, так как становятся связующим звеном анализа социальных структур и индивидуальной агентности, дают возможность критики текущих концепций класса. Значение индивидуальной агентности не следует переоценивать, ведь она всегда реализуется в социальном контексте, где обнаруживаются механизмы управления компетенциями повседневного действия (Holm, Warde 2016). Повторяющиеся практики исполнения определенных действий, создающие впечатление единственно правильных способов повседневной активности, объективируют социальную реальность особого типа в сознании людей. Изучение повседневных культурных практик и в целом специфики стиля жизни рабочей молодежи позволит понять паттерны ее социального поведения, спрогнозировать возможности и перспективы социального управления, тем самым давая возможность предотвратить рост социальной напряженности и деструктивных форм коллективной агентности.

Обзор литературы

Классовые позиции в современной западной социологии чаще всего рассматривают реляционно, маркируя линии дифференциации во взаимосвязи с другими компонентами социальной структуры (Wright 2000). Кроме того, в конвенциональном классовом анализе присутствует разрыв материального и символического. В классической марксистской интерпретации материальным базисом классовых структур является способ производства, место человека в системе производственных отношений детерминирует его социальную позицию и образ жизни. В современных реалиях, не отвергая идеи ведущей роли материально-экономических факторов и структурных ограничений, накладываемых текущим социальным-экономическим и политическим контекстом, мы не можем ограничиваться в классовом анализе дуалистической моделью «базиса и надстройки». Для того чтобы понять,

как классовые отношения воплощаются и воспроизводятся на символическом уровне, а также в повседневных практиках и взаимодействиях, следует обратиться к зарубежному опыту культуроориентированного классового анализа (Bourdieu 1984; Savage et al. 2013; Toft 2019).

П. Бурдьё полагал, что понимание социального класса и классовых границ возможно путем анализа различных видов капитала — культурного, социального и символического. Эти виды капитала конвертируются в экономический капитал, но не сводятся к нему (Bourdieu 1984). Классовый габитус же представляет собой совокупность нерелексируемых диспозиций, включая физически воплощенные, объективированные проявления (манеры, интонации, движения тела), культурные вкусы и предпочтения, речевые практики, опривыченные модели поведения в жизненных ситуациях. Габитус напрямую связан с классовой позицией и обусловлен различными видами капитала. Исследования современных авторов подтверждают, что «неприемлемый» для культуры среднего класса культурный габитус может являться ключевым препятствием на пути реализации молодым человеком его стремлений по изменению социального статуса (Demie, Lewis 2011; Loveday 2015).

Исследования социального класса являлись центральными для становления зарубежной социологии молодежи, где особенно выделялась британская традиция исследований культуры («cultural studies») (Cohen 1972; Willis 1977). В фокусе внимания были культурные и социальные особенности, классовые ограничения, которые оказывали влияние на возможности социальной мобильности молодежи. В 1990-е годы классовый анализ утратил популярность в связи с дебатами вокруг теорий позднего модерна и постмодерна (Beck 1992; Pakulski, Walters 1996), которыми утверждалась «смерть класса» и классовой культуры и формирование единой молодежной культуры (Bennett 2011). В этот период британская школа утратила лидирующие позиции, уступив интеллектуальное пространство категориям континентальной философии и социальных наук. Авторы, которые остались верны классовому анализу (см., например: Goldthorpe et. al. 1987), сосредоточились на построении абстрактных классификационных моделей на основании количественных данных и поиске критериев определения классового статуса. Исследователи бурдьевистской школы в рассматриваемый период продолжали использовать понятие класса, однако старались переписать свои концептуальные модели с учетом тенденции к индивидуализации (Bottero 2004).

К началу 2000-х годов была представлена убедительная критика постмодернистского подхода ввиду обострения социального неравенства на глобальном уровне в результате перераспределения производственных

функций между странами (Boltanski, Chiapello 1999). В этот период происходит становление нового поля классового анализа, получившего название «new working class studies». Его представители стремились расширить границы теоретического осмысления класса, сосредоточившись на проблематике идентичности и стиля жизни рабочих в изменившемся культурном ландшафте, при этом не отвергая идеи материального базиса классовых структур. На сегодняшний день основатели проекта определяют концепт «класс» как производную властных отношений, базирующуюся на экономической позиции и формирующую индивидуальность акторов, их культуру и интересы (Linkon Russo 2016).

В отечественной социологии с 1990-х годов понятие «рабочий класс» исчезло из научного дискурса, что объясняется отторжением марксистского подхода в социологическом сообществе, поиском новых теоретических оснований к исследованию социальной структуры. В современной российской социологии рабочие рассматриваются чаще всего как социально-профессиональная группа, при этом к ним относят только занятых на промышленных предприятиях (Караханова и др. 2014; Каравай 2016; Шиняева, Артемьева 2013). В последние годы в единичных работах российских авторов артикулируется необходимость реабилитации классового анализа и возвращения в научный дискурс понятия «рабочий класс» (Самыгин 2016). Также представлен ресурсный подход к исследованию рабочих, в котором различные виды неэкономического капитала объединяются понятием «человеческий капитал» (Каравай 2016). Вместе с тем апелляции к социокультурному подходу в исследовании российского рабочего класса остаются немногочисленными (Омельченко, Нартова 2013; Полухина, Ваньке 2019; Забелин 2015).

С практической точки зрения актуальность тематики исследования обуславливается необходимостью формирования культурных пространств для рабочего класса, способных обеспечить площадку для творчества и коммуникации, предпосылки становления позитивной классовой идентичности и классового достоинства, формирование солидарных сообществ на основании схожих интересов. Все эти вопросы активно обсуждаются на ежегодных международных конференциях Ассоциации исследователей рабочего класса (Working Class Studies Association), что демонстрирует глобальную значимость данных проблем, необходимость их постановки и исследования в российских реалиях.

Методология и методы

Теоретико-методологическим основанием исследования выступает культурноориентированный классовый анализ П. Бурдьё, а также рефлек-

сивный анализ классовой культуры с опорой на категориальное поле феноменологии. В рамках статьи мы фокусируемся на анализе ряда характеристик культурного габитуса не только промышленных рабочих, но и сервисной части молодежи нового рабочего класса как наименее «видимой» в научном, общественном и политическом дискурсе и наиболее уязвимой группы с точки зрения масштабов прекаризации труда в данной отрасли. В условиях постиндустриального общества отнесение к рабочему классу работников сферы услуг, не участвующих в управлении и занятых рутинизированным трудом, является конвенциональным знанием зарубежной социологии (Zweig 2011; Roberts 2013). На предыдущем этапе реализации исследования нами было предложено определение «нового рабочего класса» современной России, определены способы его теоретической концептуализации (Гаврилюк 2019). Так как новый рабочий класс — неомогенное образование, стиль жизни и культурный габитус мы рассматриваем не только как характеристики, маркирующие его границы с высшим и средним классом, но и как факторы его внутренней дифференциации.

Для решения поставленной задачи были выделены следующие базовые характеристики культурного габитуса:

- интенсивность межличностной коммуникации (дружеский круг);
- информационное пространство (использование традиционных и новых медиа);
- доминирующие практики и пространства досуга (активный/пассивный досуг, вовлеченность в локальный культурный контекст / исключенность из него, творчество);
- художественные предпочтения (на примере музыки);
- спорт и здоровье (оценка состояния здоровья, физической формы, регулярность физической активности, питание);
- алкогольные и наркопрактики;
- нормы классовой культуры и этические установки;
- оценка допустимости правонарушений, агрессии и физического насилия;
- степень межкультурной толерантности (этническая, субкультурная).

Такие характеристики культурного габитуса, как телесность, манеры, специфика речевых практик, остаются за пределами статьи, так как требуют особых методов сбора данных и соответствующих способов их анализа (этнографические методы, дискурс-анализ), и составят предмет нашего дальнейшего исследовательского поиска.

Исследование специфики классовой культуры молодых рабочих предполагает анализ способов рационализации повседневных опривыченных практик, формирующих классовой габитус, механизмов трансляции

паттернов «здорового смысла» рабочего класса, закрывающих классовые границы и зачастую встречающих неприятие представителей других социальных групп. Исходя из таксономии П. Бурдьё мы будем различать неосознанное «чувство игры», приобретаемое или воплощаемое молодыми людьми как часть габитуса в процессе реализации повседневных практик, и «правила игры» как рефлексивную часть габитуса, определенный запас знаний, накапливаемый и транслируемый через поколения (Bourdieu 1984). В центре нашего внимания также находятся агенты и пространства воспроизводства классового габитуса в повседневной жизни информантов (семья, образовательные учреждения, рабочее место, досуговые практики, виртуальная коммуникация). Результаты анализа таких аспектов повседневной культуры прояснят перспективы солидаризации молодежи на основании общеразделяемых культурных практик и специфических интересов.

Исследование базируется на стратегии микс-методов сбора и анализа данных. Эмпирическим фундаментом выступили качественные данные 31 биографического интервью и результаты массового опроса рабочей молодежи — 1534 респондента. Сбор количественных данных осуществлялся в Уральском федеральном округе, включая три крупных города (Екатеринбург, Тюмень, Курган) и типичные сельские поселения в этой местности. В качестве объекта массового опроса выбрана молодежь в возрасте от 15 до 29 лет. Использовалась целевая многоступенчатая выборка по четырем объективным критериям: возраст (около 500 человек в каждой из возрастных групп, соответствующих периодизации когорт в официальной статистике РФ: 15–19 (33 %), 20–24 (33,4 %) и 25–29 (33,6 %) лет; пол — мужской (50,3 %) и женский (49,7 %); место жительства — город (76,2 %) и сельская местность (23,8 %) в соответствии с распределением населения в УрФО; сфера занятости — промышленность и техническое обслуживание (45,2 %) и клиентский сервис (54,8 %). Так как объектом выступила только трудоустроенная часть молодежи нового рабочего класса, исследование проводилось преимущественно на рабочих местах по предварительной договоренности с менеджментом компаний. Самая молодая когорта респондентов в возрасте 15–19 лет была опрошена по месту учебы (учреждения среднего профессионального образования), при этом для участия в опросе была отобрана лишь трудоустроенная часть учащихся. Опрос производился методом самозаполнения инструментария, респонденты были проинструктированы об особенностях работы с традиционной печатной анкетой. Традиционный анкетный опрос позволил выявить ключевые характеристики культурного габитуса молодежи нового рабочего класса, модальные тренды их культурного выбора, ценностные

установки и нормы классовой культуры. Обработка количественных данных осуществлялась в статистической программе SPSS V22.

Качественное исследование проводилось в г. Тюмени. Для обеспечения доверия между интервьюером и информантом в процессе беседы отбор участников производился методом снежного кома начиная с ближайшего окружения членов научного коллектива. Решающим критерием была принадлежность человека к новому рабочему классу на основании обозначенных выше критериев. Все участники на момент интервью были заняты на профессиональных позициях рабочего класса, при этом не являлись студентами вузов очной формы обучения. Были проведены беседы с 31-м информантом, при этом 14 из них — представители «традиционного» рабочего класса, занятые в сфере промышленности, добычи полезных ископаемых, строительства и технического обслуживания, и 17 информантов выполняли обязанности на должностных позициях в сфере ритейла и других видов клиентского сервиса. Каждое интервью длилось от 40 минут до 2,5 часов и проводилось в удобном для участника месте — дома, на рабочем месте или в кафе. Все сессии базировались на детализированном гайде интервью, записаны на диктофон и транскрибированы дословно. Исследование биографий позволило очертить формы легитимации тех или иных социальных и культурных практик, определить наиболее устойчивые социально и дискурсивно детерминированные схемы восприятия и интерпретации повседневных норм и правил, повседневное производство границ в дискурсе (маркировка своих и чужих, логика различения, зоны незнания).

Интенсивность межличностной коммуникации. Медиакоммуникации

По результатам опроса рабочая молодежь обладает довольно широким коммуникативным кругом, причем с возрастом не наблюдается его существенного сужения (рис. 1).

В интервью ситуация оказалась не столь оптимистичной. Очевидно, что к рубежу 30-летия круг общения сужается у большинства информантов ввиду нехватки времени, усталости на работе, семейных обязанностей, отсутствия интенсивной потребности в развлечениях:

Евгений, 28, электрик: *Да вообще друзья как-то мелкими стали. Раньше тусили на полную. А сейчас... кто женатик — тем понятно, некогда. А остальные... ленивые стали. И жирные. Ты бы видела. Одно пузо да ноги торчат. Тошнит аж.*

У информантов младшей возрастной группы наблюдается перетекание общения в интернет:

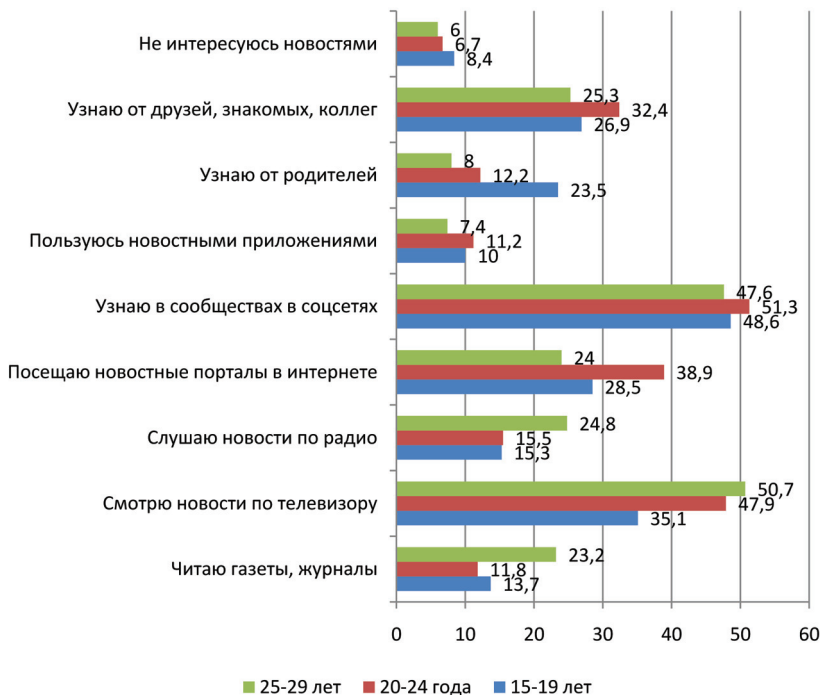

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Много ли у вас друзей?»
(в % от количества опрошенных)

Татьяна, 21, гардеробщица: *Мы с друзьями общаемся во вконтакте, или в телеграме, или иногда видимся в жизни.*

Основным источником информации и коммуникативным пространством для молодежи нового рабочего класса (далее НРК) являются сообщества в соцсетях (рис. 2). Социальные сети также выступают главным источником новостей о мире, стране и регионе в среднем для 49,1 % опрошенной молодежи, новостные порталы в интернет посещают 30,4 %, новостные мобильные приложения непопулярны в среде рабочего класса — их использует только 9,5 %. Телевизор как источник информации все еще не утратил значимости в данной социальной группе — с этой целью его смотрят 44,6 %, новости по радио слушают 18,6 % молодежи. Для старших возрастных групп характерно более интенсивное использование традиционных медиа — телевидения, радио и печатных изданий, специализированные новостные порталы в интернете в большей степени интересны группе 20–24 года.

Молодежь, отказавшаяся от телевидения, зачастую в большей степени доверяет новостям в интернете, причем данный факт преподносится как само собой разумеющееся знание в рамках их повседневной культуры, не нуждающееся в дополнительных формах легитимации:

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как вы обычно узнаете новости о своем регионе, стране и мире?» (по группам респондентов, в %)

Виталий, 22, охранник: *После рабочего дня захожу в интернет и читаю новости... ТВ уже не смотрю два года. И времени нет, и не хочу смотреть его, потому что там полная брехня.*

Времяпрепровождение в интернете обычно артикулируется в понятиях *залипать, зависать, засесть*, что указывает на длительность процесса, полную вовлеченность при ироничном отношении к его ценности. Информанты мужского пола также подчеркивают значение интернета как ресурса для знакомств с девушками.

Евгений, 28, электрик: *По выходным залипаю на фильмы — фантастику всякую, боевики. Все выходные могу просидеть. Особо лениво куда-то ходить. Сижку смотрю, ни фига не помню потом. Я часто меняю страницы. Чё-то натворю — сливаюсь. Сама видела — где-то 30 друзей и хватит. Я и этих-то не помню, кроме пары человек. Общаюсь с двумя-тремя или с бабами знакомлюсь, для секса в основном.*

Евгений, 26, повар: *Во всяких группах поварских по вечерам зависаю — по часу точно. Ну и ленты пока все проверишь: контакт, инста. Общаюсь опять же, с девочками знакомлюсь [смеется].*

«Листание» ленты социальных сетей утверждается в качестве доминирующей практики релаксации. Некоторые информанты не осведомлены и не интересуются другими возможностями интернета, кроме досуговых:

Станислав, 25, оператор по приемке цветного металла: *Просмотр видеороликов да и все, наверное. Что еще там можно делать? Лайкаю другие фотографии, которые мне понравятся, и листаю ленту, новостей то есть, которые происходят в мире.*

При этом осознание впустую потраченного времени чаще всего не останавливает молодых людей от такого досуга:

Дамир, 23, продавец-консультант: *Бывает, вот как засядешь иногда, листаешь ленту и понимаешь, что просидел там часа полтора, и не понимаешь, что делал вообще все это время [смеется]... Я стал часто ловить себя на мысли, что социальные сети... ничего интересного там нет, то есть пустая как бы трата времени, особенно там какие-то пересмотры историй в Instagram [смеется], где кто-то едет на машине куда-то и кривляется себе.*

Происходит это потому, что подобные формы релаксации становятся общераспространенной практикой, «чувство игры» в поле молодежного досуга рабочего класса не позволяет отказаться от них, так как это вызывает неодобрение в среде сверстников и может привести к разрыву коммуникативных связей, утрате социального капитала:

Наталья, 22, администратор: *Блин, в наше время социальным сетям все уделяют очень много времени, я тоже, наверное... Это способ общаться сегодня с теми людьми, с кем ты общаешься.*

Сергей, 22, менеджер по работе с клиентами: *...мне кажется, большее время своей жизни люди стали проводить в интернете, в соцсетях, меньше стали общаться вживую. Я не скажу, что я в том числе, я хорошо, активно общаюсь с людьми с глазу на глаз, но и в соцсетях довольно-таки активен.*

Стоит отметить, что распространенные в среде городской молодежи среднего класса установки в отношении контроля над временем, проведенным в интернете, ограничения пребывания в социальных сетях, фильтрации контента не упоминаются нашими информантами ни в одном из интервью. Это позволяет выдвинуть гипотезу о существенных различиях в отношении информационной компетентности и управления информацией между молодежью рабочего и среднего классов.

Доминирующие практики и пространства досуга

По результатам биографического интервью было выявлено, что у большинства информантов доминируют изолирующие досуговые практики, обуславливающие их низкую вовлеченность в пространства городской культуры. Такие разновидности досуга подвергаются нормализации и транслируются между поколениями рабочих, они протекают в закрытых пространствах, не предполагающих возможности расширения круга коммуникации, увеличения социального капитала или включения в досуговые практики среднего класса. Пространства такого досуга — это дом, дача, гараж или природа («шашлыки» или рыбалка). Что касается городского пространства, то по данным анкетного опроса наиболее часто (несколько раз в месяц) молодежь НРК посещает места потребления — торговые центры (48,6 %). Далее следуют кинотеатры (24,3 %), кафе, рестораны (18,5 %), фитнес-клуб, тренажерный зал или бассейн (19,5 %). Младшая возрастная когорта в большей степени вовлечена в деятельность учреждений культуры. Так, не посещает совсем музеи и выставки 48,1 % респондентов в возрасте 15–19 лет, тогда как в возрасте 25–29 лет — уже 65,8 %, театры — 48,8 и 56,1 %, библиотеки — 59 и 70,9 % соответственно. Гендерные различия также проявляются в выборе мест досуга: мужчины гораздо чаще женщин посещают сауны, боулинг-клубы, спортивные мероприятия и соревнования, чаще интересуются загородным туризмом, две трети из них практикуют рыбалку или охоту. А вот интерес к тренингам, мастер-классам и открытым лекциям существенно выше у женщин (около половины из них бывают там минимум раз в год, среди мужчин — менее трети). Пространства и практики молодежного досуга среднего класса — тайм-кафе, лофты, городские квест-игры — не пользуются особой популярностью, однако младшая возрастная группа (15–19 лет) чаще проявляет интерес к данным формам досуга.

Домашний досуг мы также оценивали посредством данных массового опроса, где респондентам предлагалось выбрать до пяти наиболее значимых его форм. Среди популярных практик были отмечены просмотр телевизора (51,8 %), социальные сети (48,7 %), просмотр фильмов и сериалов через интернет (43,5 %), прослушивание музыки (40,5 %), общение с родственниками (33,9 %), просмотр видео на YouTube и подобных ресурсах (30,2 %), компьютерные игры (24,5 %). 16,6 % респондентов отметили, что читают книги, 3,6 % слушают аудиокниги, самообразованием занимаются 6,1 %. Творческие занятия, практикуемые в детстве большинством информантов, имеют низкую распространенность в среде молодых взрослых из рабочего класса: около 6 % отметили художественное твор-

чество и столько же «хенд-мейд» в качестве досуговых занятий, создают контент для интернета лишь 2 % опрошенной рабочей молодежи. Существенной разницы в структуре домашнего досуга между промышленной и сервисной частью нового рабочего класса выявлено не было.

На основании кодирования транскриптов интервью мы также измерили уровень культурной вовлеченности и коммуникативный круг информантов на момент проведения исследования, выделив несколько модальных типов на основании этих двух признаков. Наиболее часто встречающийся тип (около трети выборочной совокупности) — молодежь, практически исключенная из городского пространства и обладающая узким коммуникативным кругом из нескольких друзей. В целом по результатам интервью для работников сервисной сферы характерен более высокий уровень вовлеченности и коммуникации, однако их практики ограничены только пространствами потребления.

Низкая вовлеченность мотивируется усталостью, отсутствием времени и желания. На основании опыта информанты, разделяющие подобные установки, обладают особой, непривлекательной картиной городского пространства, в том числе досугового:

Татьяна, 21, гардеробщица: *У нас каждые выходные тусовки [в заведении, где работает информант], и просто-напросто я выматываюсь очень сильно, и идти на какие-то другие тусовки, в другие дни недели и где-то еще тусить у меня морально просто нет ни сил, ни времени, ни желания.*

Евгений, 28, электрик:

Интервьюер: *Есть места, которые хотел бы посетить?*

Информант: *В городе? Да не. Я его уже вдоль и поперек знаю. Находился в подработке, в какой жопе только не был... [смеется]. Один черт — грязь, да серость.*

Интересно высказывание одного из информантов, демонстрирующее практическое знание в рамках своего культурного габитуса, на котором базируется картирование городского пространства: знакомые и понятные с точки зрения приемлемых поведенческих паттернов «районы», в которых можно прогуливаться, и иные места, освоение которых информант также связывает с присутствием в них «своих людей».

Юрий, 26, работник железнодорожных путей: *Я не хожу по развлекательным местам. Так, если вечером выйти, прогуляться по району... Хотел бы сходить в «Гудвин» и в «Панаму» [торговые центры в г. Тюмени]. В «Гудвине» у меня друг работает... После работы как-то неохота. Охота быстрее добраться, горячий душ принять.*

При наличии определенного запроса на посещение пространств досуга, часто встречается мотив «лени», отсутствия «настроения»:

Дмитрий 27, бариста: *Не люблю посещать заведения. Хотел бы в аэро-трубу, на батуты. Препятствует то, что иногда неподходящее время, иногда его нет вообще, иногда настроение не соответствует.*

Никто из наших информантов, как из традиционного рабочего класса, так и из сервисного сектора, не упомянул посещение учреждений так называемой «высокой» культуры ни ими самими, ни их родителями (за исключением одного случая, когда информантом выступил рабочий сценны с художественным образованием). Несмотря на экономическую и репертуарную демократичность такого рода учреждений в провинции, потенциальный запрос на их посещение молодежью рабочего класса также крайне невысок.

Даже участники интервью, не закрывающие для себя возможность посещения учреждений культуры, находят формы оправдания невозможности воплотить свои намерения в реальность, зачастую не вполне правдоподобные.

Дмитрий, 21, техник по радионавигации: *Тут хотели сходить в филармонию, но не было билетов, хотел бы в театр — билетов нет, дороге... В драмтеатр тоже не всегда билет можно выцепить, как бы есть свободные, да, билеты, ну которые по 30 тысяч, в каком-нибудь vip-ложе, но то есть еще не соответствует нашему статусу.*

Одной из ключевых причин невозможности переступить порог театра или музея для рабочей молодежи является классовый барьер: вышеупомянутые фантазии о билетах «по 30 тысяч» в провинциальном драмтеатре четко маркируют классовые границы и однозначно характеризуют, с каким классом соотносит рабочая молодежь подобные формы досуга. Оторванность от коммуникативного круга людей, интересующихся посещением учреждений культуры, и неприятие подобных стремлений со стороны ближайшего повседневного окружения, также обуславливают невозможность вовлечения рабочей молодежи в культурные пространства.

Маргарита, 33, продавец бижутерии: *Вот этот вот комплекс, музей, тоже очень бы хотелось сходить... но мне хочется туда попасть ни одной, с семьей, а семья у меня, они такие товарищи, очень трудно их расшевелить, очень трудно их уговорить куда-то пойти — то времени нету, то денег нету, то желания.*

Некоторые информанты указывали на наличие специфических увлечений, таких как спорт, рисование, ремонт и тюнинг автомобиля и т.д., большинство же не обладает хобби, а просто «отдыхает от работы»:

Андрей, 21, укладчик: *Как таковых увлечений нету, в досуг обычно просто-напросто отдыхаю от работы, сижу дома, смотрю телевизор, ну так, занимаюсь домашними делами какими-то»*

Дмитрий, 27, бариста: *Как я провожу досуг не равно тому, как люблю его проводить [легкая улыбка]. Ем, сплю, гуляю. Давно не уделяю время хобби.*

В качестве причины отсутствия хобби некоторые информанты также указывали «лень» и отсутствие желания:

Руслан 20, продавец и посредник в сфере электроники: *Я вот музыкой увлекаюсь, все хочу заняться ей, но как-то у меня почему-то не получается, наверное, из-за лени [смеется].*

Одиноким информантам признавались, что бессодержательный досуг часто вызывает скуку, поэтому труд наделяется дополнительной ценностью из-за возможности провести время:

Юрий, 26, работник железнодорожных путей:

Интервьюер: *Что тебя в жизни мотивирует на труд? Что вызывает желание работать?*

Информант: *Ну, во-первых, дома делать нечего. Даже в выходной день, там, с телевизором проводить... Даже если погулять — ну там часик, два погуляешь, всё. Весь день, можно сказать, ты лежишь-лежишь, а тут [на работе] двигаешься, че-то делаешь.*

Подобное отношение к свободному времени, как и распространенные формы досуговых практик, имеют межпоколенческий характер и напрямую связаны с формами досуга родителей. Например, Маргарита, 33, продавец бижутерии, отмечает, что с матерью в детстве они посещали цирк и филармонию, что обусловило сохранившийся запрос с ее стороны к посещению учреждений культуры. Большинство же информантов рисуют достаточно стереотипную картину занятости матери домашней работой и дачным огородом, досуг же отца связывают с просмотром телевизора, лежанием на диване, рыбалкой, автомобилем, периодическими делами по хозяйству. Многие информанты, подчеркивавшие важность дачного отдыха для родителей, сохранили привязанность к данному виду досуга, в том числе совместно с родителями:

Виталий, 22, охранник: *Батя, давай, заводи баню, шашлыки, посидим, похаваем, что-нибудь пообсуждаем... потому что я понимаю, что я потом полгода его еще не увижу.*

Разрыв с моделью досуга родителей присутствует достаточно редко. Например, Александр, 28, менеджер по продажам автомобилей, утверждает, что родители все свободное время проводили на даче, в то время как с собственной семьей он предпочитает отдыхать «активно и с умом». Далее в интервью он перечисляет разнообразные досуговые и игровые практики среднего класса, в которые он вовлечен: *Мы с женой и друзьями часто принимаем участие в различных квизах — это такие интеллектуальные игры, которые проводятся по вечерам будних дней в разных заве-*

дениях города... Еще мы играем в сити-квесты — в вечернее и ночное время ездим по городу на автомобилях, решаем логические задачи и, приехав на загаданный адрес, ищем определенные метки с кодами. Люблю кататься на велосипеде, но в этом году смог выбраться на велопрогулку всего пару-тройку раз. Из распространенных практик рабочего класса в его семье сохранились поездки на море на автомобиле (от Тюмени это довольно изматывающее путешествие, занимающее трое суток).

В целом более разнообразные досуг, близкий к практикам среднего класса, демонстрируют выходцы из семей среднего класса или кросс-классовых семей, чье финансовое положение выше, чем у рабочего класса:

Алина, 25, администратор: *Пока сидела дома [в декрете], я начала вязать [улыбается]. Сама научилась, через интернет, ютуб. Ну вот, вяжу иногда. Музыкальное опять же да вот, у меня есть дома и синтезатор, могу когда-то поиграть».*

Александра, 24, продавец-консультант: *Если не считать соцсети, также могу сыграть на гитаре, прочитать интересную книгу — с юности ничего не изменилось, ну или сходить в клуб в воскресенье, а также спорт по утрам. Начинаю рабочий день в 12, а до этого встаю рано утром, полезный завтрак, перебежка.*

В семьях обеих девушек один или оба родителя высшим образованием, семьи имеют патриархальный характер: матери — домохозяйки, отец одной из девушек занимает руководящую позицию, другой — должность инженерного специалиста, что в совокупности позволяет отнести их к среднему классу.

В целом по массиву информантов интервью стремление к досугу среднего класса гораздо существеннее выражено у работников сервисной сферы, по роду занятий находящихся в подобных пространствах:

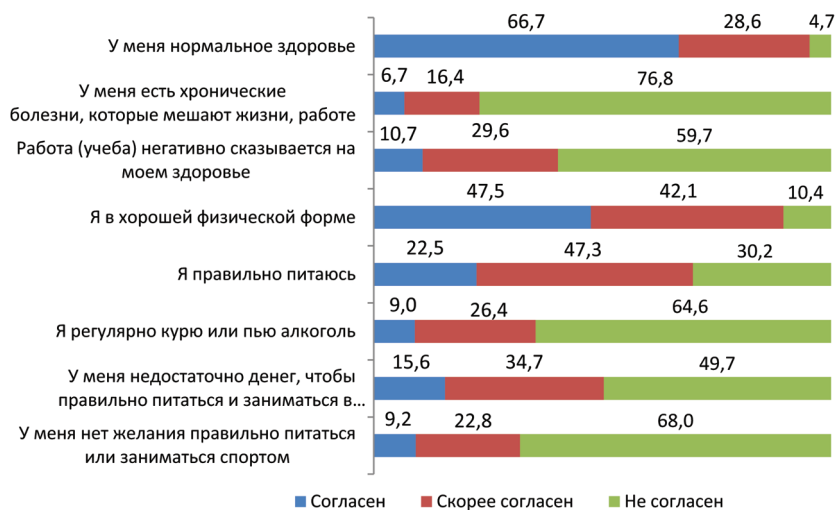
Сергей, 22, менеджер по работе с клиентами: *[Хотел бы посетить] какие-нибудь красивые рестораны. Я надеюсь, что, когда нам будут позволять деньги, чтобы ходить в такие места, мы обязательно их будем посещать. И какие-то клубы, более или менее дорогие, тут все упирается в деньги.*

В реальности же рядовой сотрудник крупного интернет-провайдера пока что может себе позволить «гулять по торговому центру», «также в торговом центре мы ходим в какие-нибудь кафе, например, быстрого питания, в кино ходим иногда, смотрим фильмы».

Здоровье и спорт. Употребление алкоголя и наркопрактики

Модальные тенденции оценки своего образа жизни молодежью нового рабочего класса по результатам анкетного опроса представлены на рисунке 3.

Рис 3. Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете различные аспекты своего образа жизни?» (в %)

Как показывает рисунок 3, мужчины склонны более оптимистично оценивать состояние своего здоровья. Так, с альтернативой «у меня есть хронические болезни, которые мешают жизни, работе» полностью или частично согласны 27,6 % женщин и 18,7 % мужчин. Это объясняется необходимостью поддержания традиционного конструкта гегемонной маскулинности рабочего класса (Connel 1991: 142), в котором артикулирование проблем со здоровьем считается проявлением слабости. Женщины также в гораздо большей степени склонны полагать, что работа или учеба негативно сказываются на их здоровье (48,3 % против 32,5 % мужчин). Вместе с тем мужчины чаще признаются в регулярном употреблении алкоголя или курении — 41,6 % (среди женщин 29 %, что также является высоким показателем). В ответе на другой вопрос, 10,7 % респондентов указали альтернативу «выпиваю один или с друзьями» в качестве одного из наиболее частых вариантов домашнего досуга; 31,4 % уверены, что «пятница — отличный повод выпить и повеселиться». Около половины респондентов полагают, что у них недостаточно денег, чтобы правильно питаться или посещать фитнес-клуб, при этом около трети признают, что у них просто нет желания этим заниматься. Фитнес-клубы, тренажерный зал или бассейн регулярно посещают 19,5 % опрошенных, секции боевых искусств — 7,4 %, танцевальные студии — 2,8 %, студии йоги — 2,8 %.

Посещаемость всех спортивных учреждений снижается с возрастом. Так, учреждения фитнеса посещает в основном группа 20–24 года (26,1 %), в 25–29 лет таких уже лишь 12,8 %, аналогично и по другим видам активности. 15,1 % респондентов отметили, что занимаются спортом дома.

Рассмотрим различные виды легитимации поведенческих практик, связанных со здоровьесберегающим поведением. В целом паттерны «здорового образа жизни» среди массива наших информантов единичны. Например, Дмитрий, 21, техник по радионавигации, предпочитает значительную часть своего дохода тратить на поддержание здоровья и физической формы: *Сейчас, в данное время, если ты даже занимаешься спортом, без денег — это никуда. Чтобы куда-то ходить, тебе нужно платить, чтобы правильно питаться, тебе нужно платить. То есть получается, не то что большая часть, но одна из основных частей дохода — это на себя, на свое здоровье.* В ответе на вопрос о мотивации здорового образа жизни молодой человек демонстрирует перспективное мышление, стремится к минимизации последствий возрастных изменений и осознанность в выборе своего будущего как здорового человека: *Это мое здоровье, я как бы не хочу в 30 лет подниматься, например, на 10 этаж и умереть от одышки... Ну и просто, чтобы, например, в те же 40 лет, как некоторые там уже страдают, колени там болят, негибаются и все прочее. Чтобы быть готовым к такому, и чтобы, наоборот, развить свой организм, чтобы такого в дальнейшем не было. Ну как бы это все равно с возрастом придет, но чем позже, тем лучше.*

Сергей, 22, менеджер по работе с клиентами, подчеркивает значение внешней мотивации, получаемой из различных интернет-источников, большинство из которых сегодня находятся в открытом доступе: *Сейчас многие смотрят в интернете, там показывают, как люди занимаются спортом, как люди ходят в тренажерные залы. Мне кажется, это тоже хороший мотиватор для людей, потому что все хотят иметь хорошее тело, хорошее здоровье... я, например, также смотрю, как люди занимаются спортом в интернете, как они советуют.*

Подавляющее же большинство наших информантов демонстрируют либо пренебрежительное отношение к своему здоровью либо противоречивые паттерны комбинации «здорового и нездорового образа жизни» как повседневную адаптивную тактику поведения. Так, Дамир, 23, продавец-консультант, занимается спортом, но при этом стремится поддерживать широкий коммуникативный круг, где общеразделяемым «правилом игры» является употребление алкоголя по выходным: *Ну, часто провожу время с друзьями в барах, там, в увеселительных заведениях, ну, это в вы-*

ходные, в основном. А так после работы, там, хожу в спортзал, совмещаю здоровый образ жизни и нездоровый образ жизни [смеется].

Внешняя мотивация со стороны родителей или друзей, как известно, имеет краткосрочный эффект и не приводит к долгосрочным изменениям образа жизни:

Евгений 26, повар: *В тренажерку в том году ходил — сертификат подарили родители, месяц отходил и хватит. Времени особо нет и желания. Плавать люблю, но на бассейн денег жалко — дорого.*

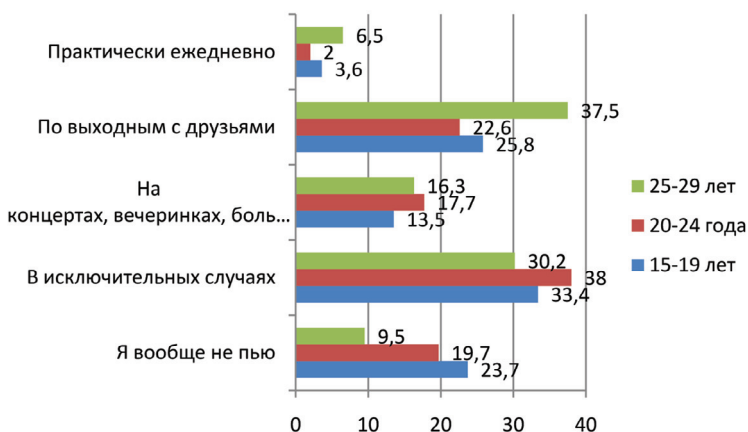
Из объективных причин, препятствующих здоровьесберегающим практикам, информанты указывают на неудобный график работы, не оставляющий возможности для полноценного восстановления после спортивных нагрузок.

Виталий, 22, охранник: *Приходится от чего-то отказываться. Например, я не могу пойти в спортзал после 8 часов. На это у меня уйдет около 3 часов. Домой приду в 11, а мне надо еще постираться, приготовить на сутки, приготовить кушать. Вот, приходится чем-то жертвовать.*

Татьяна, 21, гардеробщица: *Я спать не успеваю. Какие залы? Какое питание? Если я поем на работе, для меня это уже счастье и радость.*

На рисунке 4 представлена частота употребления алкоголя в субъективных оценках респондентов нашего опроса по трем возрастным группам.

По данным нашего опроса, с возрастом количество непьющих резко сокращается, а частота употребления алкоголя увеличивается (см. рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как бы вы сказали о себе? Я выпиваю...» (в %)

Мужчины склонны регулярно выпивать «по выходным» (32,4 %), среди женщин процент также высокий — четверть молодых девушек рабочего класса (25 %) регулярно употребляет алкоголь в выходные дни.

Для характеристики дискурса об алкоголе ключевой категорией становится «мера», необходимость «знать меру» — важнейший практический навык повседневной жизни. Например, Александр, 25, оператор, говорит, что относится к алкоголю нейтрально, противопоставляя две различные практики — «пить в меру» и «ужираться». Первое подвергается нормализации, второе вызывает у информанта отторжение. Евгений, 26, повар противопоставляет такие практики, как «выпивать для общения, зная меру» и «бухать как алкаш». Мотивы общения и расслабления встречаются наиболее часто в аргументации ситуативного употребления алкоголя и также артикулируются в качестве общеразделяемого знания («как многие считают»).

Сергей, 22, менеджер по работе с клиентами: *Как многие считают, для успокоения души, мне кажется, алкоголь. Если обычным языком говорить, ну выпить просто можно для веселья в компании, чтобы люди больше раскрывались, отдыхали.*

Нормализация алкопрактик в среде рабочей молодежи является семейно-транслируемым правилом.

Александр, 28, менеджер по продажам: *К алкоголю я отношусь нейтрально, а в представлении некоторых даже положительно. Считаю, что он допустим не только по праздникам, но и за семейным ужином он крайне уместен, только нужно понимать, что его количество должно быть строго ограничено, и качество должно быть на высшем уровне. А вообще, у меня была родственница, по совместительству очень хороший доктор, которая говорила: «Русский мужик должен выпивать или каждый вечер по рюмке водки, или один раз в месяц, но до поросячьего визга».*

В опыте употребления наркотиков респонденты признаются неохотно, абсолютное большинство (80,9 %) утверждают, что никогда не пробовали наркотиков и не собираются этого делать, 11 % употребляли единожды (рис. 5).

Многие информанты интервью столкнулись с последствиями употребления наркотиков ближайшими родственниками и друзьями, что позволило сформировать негативную установку по отношению к данным веществам. Для негативного маркирования чаще всего используются такие понятия, как «херня», «шняга», «дичь».

Дмитрий, 21, техник по радионавигации: *Наркотики — это наркотики. Как бы это смерть, это плохо. Хоть даже и легкие наркотики, но все равно это — затуманивание разума, это полный неадекват, ты*

Рис. 5. Согласие молодежи НРК с утверждениями (в %)

не отдаешь себе контроль, ну, отчет своим действиям... Даже траву не курил — честное слово [смеется] ...У меня дядька от героина помер. Да и современную эту всю шнягу страшно — соль, спайс. Пара товарищей увлекаются — неприятное зрелище, лицо человеческое теряется под этой херней.

Станислав, 25, оператор по приемке цветного металла: *Употреблял... но это было два раза [вздыхает]. Я негативно очень к этому отношусь, потому что... в прошлом году умер мой друг из-за этой херни, и поэтому я очень сильно плохо отношусь к этим веществам и никому не советую их употреблять.*

Евгений, 28, электрик: *В общем, все было. На наркоте только не сидел — на том спасибо. Не допер, не столкнулся. Никто не предлагал как-то. Хотя один друган от передоза подох. Жалко его.*

Роман, 21, токарь: *Спайс разок, и как бы это вообще прям дичь... Не люблю вот состояние, так скажем, изменённого сознания, потому что ты тогда... Ну вот, из лично, из моего опыта, каждый раз меня как-то это грузило, у меня была какая-то паника... полтора часа, пока тебя держит, ты только думаешь о том, когда тебя отпустит.*

Вместе с тем сохраняется тенденция к нормализации употребления легких наркотиков, вред и возможную зависимость от которых информанты склонны преуменьшать:

Дамир, 23, продавец-консультант: *Алкоголь гораздо вреднее, чем тот же каннабис, то есть к каннабису я отношусь не сказать, что положительно [смеется], но нейтрально, то есть, у меня нет там какого-то такого предвзятого мнения, что это «все, ты наркоман, что ты какой-то*

там, не знаю, выкидыши общества, раз куришь, то, значит, ты все...». А если к тяжелым наркотикам, то очень отрицательно, типа потому что там несравнимо большой вред здоровью, непоправимый, я бы сказал, и на социальный статус твой очень сильно влияет.

Руслан, 20, продавец и посредник в сфере электроники: *...не прям чтобы тяжелое, такое что-то типа, ну, как это назвать, марихуаны, как-то так... Это было забавно, весело, смешно.*

Художественные предпочтения (на примере музыки)

Музыкальные вкусы молодежи НРК существенно различаются по гендерному признаку: женщины в два раза чаще выбирают поп-музыку, предпочтения мужчин включают в себя русский рэп, рок, шансон. Стоит отметить, что вкусы старшей возрастной группы (25–29 лет) склоняются к поп-музыке (58,9 %), року (24,5 %) и шансону (19,8 %), в то время как новое поколение (15–19 лет) значительно чаще выбирает русский рэп (35,7 %), шансон же теряет популярность в подростковой рабочей среде (11,4 %). Далее по частоте предпочтений у мужчин следует рэп на иностранном языке и электронная музыка. Девушки же из рабочего класса электронную музыку слушают даже реже, чем классическую (рис. 6).

Растущая популярность хип-хопа мотивируется информантами близостью к жизненному опыту молодежи данного социального класса. Так, Руслан, 20, продавец и посредник в сфере электроники, объясняет свой выбор следующим образом: *Они мне близки по духу что ли... (задумался). Именно нравятся те исполнители, где у них там, в принципе, все без соплей... Интересно то, что они повествуют про свою жизнь и то, что это все реально, вот это представляет интерес.*

Вот как описывает свои художественные вкусы Евгений, 28, электрик: *Музыку слушаю — шансон да рэп. Фильмы про криминал смотрю, так, для развлечения. Батя приучил в свое время.* В этом высказывании информанта мы можем наблюдать отсылку к опыту старших поколений и непосредственное влияние классовой культуры.

Музыка воспринимается рабочей молодежью чаще всего как фон, развлечение, следовательно, большинство информантов неразборчиво потребляют популярный контент в рамках собственных предпочтений. При этом при схожих паттернах потребления музыки одни информанты называют себя «меломанами», другие же уверены в обратном.

Александр, 28, менеджер по продажам: *Сказать, что я меломан вряд ли можно. Музыка для меня скорее фон при выполнении каких-то дел по дороге на работу... Если говорить о жанрах музыки, то они самые разные: популярная музыка 80-х и 90-х, русский рок и даже шансон.*

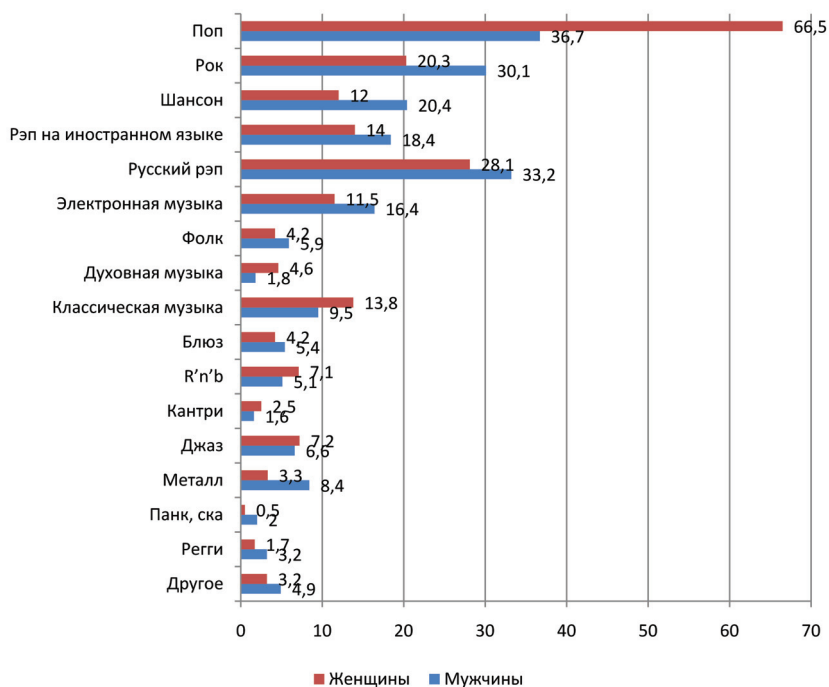

Рис 6. Музыкальные предпочтения молодежи НРК (в %)

Александра, 24, продавец: *Ну, в основном ту музыку, которую везде крутят, ту я и люблю. А так вообще я меломан с юности, начиная от «Сектора газа», заканчивая сейчас поп-звездами типа Veonсе.*

Встречались в интервью и редкие развернутые ответы молодых людей, более избирательно относящихся к музыке и имеющих специфические музыкальные предпочтения, тем не менее вписывающиеся в общие тренды, выявленные нами в результате опроса. Например, Дамир, 23, продавец-консультант, характеризуя свои музыкальные пристрастия, прежде всего противопоставляет их «пацанскому быдло-рэпу», что свидетельствует о его стремлении дистанцироваться от стигматизированного образа «гопника», высмеиваемого массовой культурой. Вместе с тем слишком модная и манерная музыка, популярная у молодежи среднего класса, также вызывает у него опасения: *[слушаю музыку] вообще абсолютно разную, ну, за исключением там какого-нибудь быдло-рэпа там пацанского... короче, в крайности не впадаю, не слушаю там что-то чересчур такое пацанское, простятское, быдлятское [смеется] и не слушаю черес-*

чур утонченную, там что-то типа Дорна. Ну, мне нравится музыка 90-х типа Eurodance, нравится музыка 60-х, 50-х, ну, зарубежная там, американская, джазовые некоторые песни, композиции. Иногда, там, ну, зарубежный рэп, что еще... панк, пост-панк. Ну, вот, русский рэп как-то не воспринимаю, не могу его слушать. Он также подчеркивает, что паттерны музыкального потребления сильно зависят от обстановки и коммуникативного окружения: *Все от настроения зависит, от того, трезвый ты или пьяный [смеется], то есть пьяному как раз заходит такое тупое музло, под которое можно подрываться [смеется], а так если ты слушаешь сам для себя, ты будешь уже выбирать что-то.* Необходимость принимать и разделять вкусы большинства также является общим правилом поведения в социальной обстановке: *При всех будешь слушать какого-нибудь Face [популярный русский рэпер], я не знаю, Бузову какую-нибудь, поэтому все зависит от окружения и состояния.*

Этические установки и нормы классовой культуры. Степень межкультурной толерантности

В этом разделе отметим основные нормативные паттерны классовой культуры, регулирующие поведение молодых людей в социальной обстановке, способы маркировки границ между «своими» и «чужими», основные тренды субкультурной идентичности молодежи НРК и степень межкультурной толерантности. К сожалению, в рамках нашего исследования не было возможности обсудить данные вопросы в интервью, ввиду чего мы обозначим лишь основные количественные данные, характеризующие наиболее общие тенденции классовой культуры рабочей молодежи.

В оценке предложенных утверждений относительно разных аспектов культуры наблюдается высокая доля неуверенности респондентов в собственных взглядах (рис. 7). Очевидна низкая степень межэтнической и межкультурной толерантности: 61,4 % опрошенных убеждены в необходимости доминирования русской культуры в нашей стране, 40 % разделяют распространенное утверждение о том, что «мигранты занимают наши рабочие места», 27,1 % полагают, что «националистические взгляды вправду распространяться, как и любые другие» (рис. 8). 30 % не готовы терпеть представителей имиджевых молодежных субкультур, при этом нетерпимость усиливается по мере взросления (с разницей между младшей и старшей когортой примерно в 10 %). Стоит отметить, что численность такого рода субкультур значительно сократилась с момента их расцвета в России (вторая половина 2000-х годов). Негативные установки в среде рабочей молодежи тем не менее сохраняются и сегодня, несмотря на нормализацию множества внешних атрибутов субкультур в массовой моло-

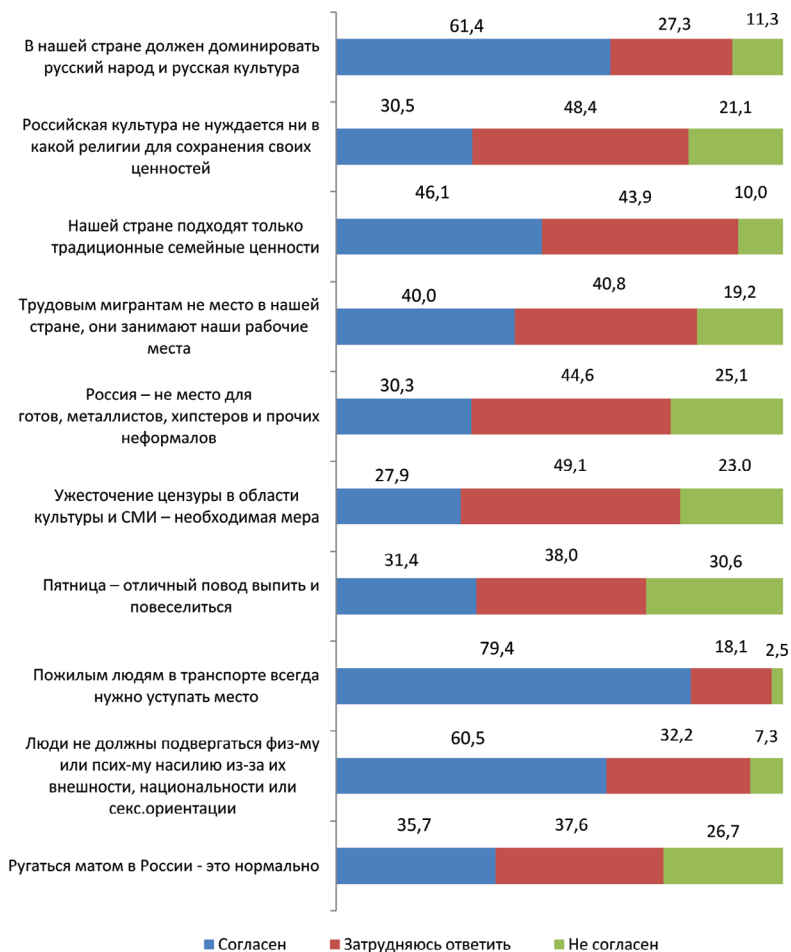

Рис. 7. Согласие молодежи НРК с утверждениями (в %)

дежной моде. Сегодня к популярным ранее молодежным субкультурам готов и эмо отнесли себя лишь около 0,5 % опрошенной рабочей молодежи, к металлистам — 2,1 %. Более популярны иные формы молодежных солидарностей: молодые женщины чаще всего считают себя велолюбителями (16,9 %) и любителями настольных игр (12,7 %), среди мужчин популярно БПАН-движение — любители заниженных автомобилей (13,6 %) и футбольные фанаты (24,5 %). Не отнесли себя ни к одному из направлений молодежной активности 26,7 % женщин и только 15,6 % мужчин.

Рис. 8. Согласие молодежи НРК с утверждениями (в %)

При всей нетерпимости к внешним аспектам инаковости около 60 % респондентов отрицают возможность открытого насилия — физического или психологического — на основании внешности, национальности или сексуальной ориентации. Около 40 %, по всей видимости, не исключают для себя такой возможности (причем среди мужчин этот показатель приближается к 50 %).

Поддержка традиционных семейных ценностей, вопреки распространенным стереотипам о рабочем классе, безусловна — менее половины опрошенной рабочей молодежи согласны с утверждением, что «нашей стране подходят только традиционные семейные ценности».

Наибольшее единодушие наблюдается в оценке повседневных действий, касающихся проявления уважения к пожилым людям, при этом среди представителей старшей возрастной группы готовы уступить место в общественном транспорте 85,3 %, среди тинейджеров значительно меньше — 75,8 %. В оценке возможности употребления ненормативной лексики мнения респондентов разделились — чуть более трети полагают, что «ругаться матом в России — это нормально», четверть уверена в обратном, остальные не определились с позицией по этому вопросу. Более склонны к употреблению мата в речи представители старшей возрастной когорты (44 против 30,8 % тинейджеров).

На рисунке 8 представлено согласие или несогласие респондентов опроса с утверждениями, касающимися оценки допустимости противоправных действий в повседневной жизни.

Ответы молодежи НРК демонстрируют достаточно высокую степень нормативного релятивизма (рис. 8). Например, почти четверть полагает, что «вполне допустимо обманывать клиента для увеличения прибыли» (среди работников сферы обслуживания таковых 22,9 %). Почти 40 % нормализуют повседневное коррупционное поведение, считая, что «дать взятку — не такое страшное правонарушение, как ее взять», около трети убеждены, что «наказывать за взятки нужно только тех, кто ворует по-крупному». Почти половина респондентов (44,7 %) согласны с распространенным архетипом русской культуры о том, что «не пойман — не вор». У респондентов не сложилось мнения о том, можно ли считать экстремизмом какую бы то ни было активность в интернете, однако, несмотря на ужесточение государственного контроля и цензуры, многие из них по-прежнему убеждены (31,4 % мужчин и 22 % женщин), что «в интернете можно позволить себе высказывать мнение в любой форме», т.е. анонимно, безнаказанно и не считаясь с правилами взаимодействия, принятыми вне виртуальной среды.

Заключение

Полученные эмпирические данные позволяют охарактеризовать основные параметры молодежной культуры рабочего класса с учетом гендерных и возрастных особенностей. Вместе с тем, ввиду отсутствия аналогичных данных о молодежи среднего класса, в рамках статьи мы можем лишь выдвигать гипотезы о возможной маркировке классовых границ внутри молодежной культуры. Учитывая ее гетерогенный и текучий характер, даже при наличии данных для межклассового сравнения, следует принимать во внимание подвижность и изменчивость этих границ. Изменение материальных, нормативных и символических условий функционирования культуры рабочего класса в последнее десятилетие в России (более жесткое регулирование противоправных действий, установление физических барьеров, реконфигурирующих досуговые пространства молодежи, переприсвоение контркультурных символов дворовых сообществ массовой культурой и их коммерциализация) изменили визуальные коды молодежной культуры рабочего класса. Вместе с тем имеются существенные различия с культурой среднего класса, на которые информанты указывали в ходе интервью. Среди них важнейшую роль, безусловно, играет финансовый барьер, имидж тех или иных досуговых пространств, традиционно относимых к «высокой» культуре, как закрытых для рабо-

чего класса, определенные гендерные нормы, принятые в рабочей среде. Наблюдаются также существенные отличия классового габитуса молодых рабочих в отношении поведения в информационном пространстве, специфики межличностных коммуникаций, художественных предпочтений, повседневных поведенческих паттернов и установок.

В оценке информационного пространства выделяется ограниченный набор распространенных культурных практик, предполагающих потребление готового информационного контента. Зачастую досуг молодых представителей нового рабочего класса перетекает в интернет либо замыкается в узком кругу друзей или семьи. Освоение города связано только с пространствами потребления популярной культуры, такими как торговые центры, кафе и кинотеатры, при этом по мере увеличения материального благосостояния культурные запросы молодежи остаются прежними. Нормализация досуга в «домашнем» пространстве предполагает фиксирование текущих параметров социального капитала, что также приводит к замыканию классовых границ. По результатам интервью, большинство информантов не обладают специфическими хобби, а в свободное время просто «отдыхают от работы». В целом более разнообразен досуг у выходцев из семей среднего класса или кросс-классовых семей, чье финансовое положение выше, чем у рабочего класса. Распространенные формы досуговых практик имеют межпоколенческий характер и напрямую связаны с формами досуга родителей.

Низкую распространенность практик здоровьесберегающего поведения, чрезмерное употребление алкоголя и наркотиков традиционно связывают с низшими социальными слоями. Наши данные демонстрируют, что паттерны «здорового образа жизни» среди массива информантов встречаются редко и также демонстрируются либо теми, чья родительская семья может быть отнесена к среднему классу по параметрам социальному статусу и образовательному уровню. Наблюдаются существенные гендерные различия в оценке состояния здоровья: мужчины склонны оценивать его гораздо более оптимистично. Что касается употребления алкоголя, то с возрастом количество непьющих резко сокращается, а частота употребления увеличивается. Треть мужчин и четверть женщин признаются, что пьют алкоголь каждые выходные. Легитимация регулярного употребления спиртных напитков в категориях общения и расслабления артикулируется в качестве общеразделяемого знания. Качественные данные позволяют нам прийти к выводу, что часто нормализация алкопрактик в среде рабочей молодежи является семейно-транслируемым правилом и нормой классовой культуры, а не только результатом общения с группами сверстников. Наркотики же (за исключением марихуаны) вы-

зывают у большинства рабочей молодежи резкое отторжение, чаще всего выработанное в результате столкновения с последствиями их употребления ближайшими родственниками и друзьями.

Оценка основных нормативных паттернов классовой культуры, регулирующих поведение молодых людей в социальной обстановке, позволила прийти к выводу о низкой степени межэтнической и межкультурной толерантности, а также высокой степени нормативного релятивизма, проявляющегося в терпимости к повседневным противоправным действиям, способным принести выгоду. Наблюдается двойственное отношение к физическому насилию: несмотря на то что в целом по массиву большинство опрошенных высказываются негативно о возможности его применения, среди мужчин доля терпимых к проявлениям насилия приближается к 50 %.

Представленные в данные об основных измерениях культурного габитуса рабочей молодежи помогут органам молодежной политики и учреждениям культуры принять меры, направленные на повышение уровня вовлеченности данной социальной группы в городское пространство, предотвращение ее маргинализации и замыкания повседневности на уровне рутинизированных бытовых практик. Задача социальной политики в таком случае заключается в расширении возможностей и формировании новых способностей молодежи НРК в изменившемся социокультурном ландшафте. Основания солидаризации рабочей молодежи следует искать в схожих музыкальных предпочтениях, новых формах молодежных солидарностей (таких как велоспорт или автотюнинг), популяризации и демократизации здорового образа жизни. Позитивная идентификация также может конструироваться на основании увлеченности отдыхом на природе (дача, рыбалка, загородный туризм и т.д.). Дальнейший исследовательский поиск в русле исследования культурного габитуса рабочего класса планируется связать с анализом возможностей становления культурной субъектности и позитивной идентичности рабочей молодежи, а также практиками ее повседневной креативности.

Выражение благодарности

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Литература

Гаврилюк Т.В. (ред.) (2019) *Молодежь нового рабочего класса современной России*. М.: ФЛИНТА.

Забелин К.Н. (2015) Рабочий класс как субъект социокультурных изменений. *Власть*, 11: 135–138.

Каравай А.В. (2016) Человеческий капитал потомственных российских рабочих. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 6: 107–124. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.07>.

Караханова Т.М., Бессокирная Г.П., Большакова О.А. (2014) *Труд и досуг рабочих (программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования)*. М.: Институт социологии РАН. [<http://www.isras.ru/publ.html?id=3224>] (дата обращения: 05.03.2021).

Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. (2013) *Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения*. М.: ЦСИ [https://www.isras.ru/files/File/publ/rabochaya_molodeg.pdf] (дата обращения: 05.03.2021).

Омельченко Е., Нартова Н. (ред.) (2013) Про тело. Молодежный контекст: сб. статей. СПб.: Алетейя.

Полухина Е.В., Ваньке А.В. (2019) Идентичность заводского рабочего в пост-советском контексте: этнографическое кейс-стади района Уралмаш. *Журнал исследований социальной политики*, 17(2): 237–252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252>.

Самыгин С.И. (2016) Рабочий класс: социокультурный анализ и структурные изменения в обществе. *Вестник АГУ*, 1(174): 154–161.

Тихонова Н.Е. (2014) *Социальная структура России: теории и реальность*. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН.

Шиняева О.В., Артемьева Т.В. (2013) Отношение рабочих промышленных предприятий к труду. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*, 3(27): 100–112.

Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. L.; N.Y.: Sage.

Bennett A. (2011) The post-structural turn: some reflections 10 years on. *Journal of youth studies*, 14(5): 493–506. <https://doi.org/10.1080/13676261.2011.559216>.

Boltanski L., Chiapello E. (2005) The New Spirit of Capitalism. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 18(3/4): 161–188.

Bottero W. (2004) Class identities and the identity of class. *Sociology*, 38(5): 985–1003. <https://doi.org/10.1177/0038038504047182>.

Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Cohen P. (1972) *Sub-cultural conflict and working class community. Working papers in cultural studies 2*. Birmingham: University of Birmingham.

Connell R.W. (1991) Live fast and die young: The construction of masculinity among young working-class men on the margin of the labour market. *The Australian and New Zealand Journal of Sociology*, 27(2): 141–171. <https://doi.org/10.1177/144078339102700201>.

Demie F., Lewis K. (2011) White working class achievement: An ethnographic study of barriers to learning in schools. *Educational Studies*, 37: 245–264. <https://doi.org/10.1080/03055698.2010.506341>.

Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. (1987) *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.

Holm L., Warde A. (2016) The practice of eating. *Review of Agricultural, Food and Environmental Studies*, 97: 277–279. <https://doi.org/10.1007/s41130-016-0031-4>.

Kim J.H., Park E.C. (2015) Impact of socioeconomic status and subjective social class on overall and health-related quality of life. *BMC Public Health*, 15: 783 <https://doi.org/10.1186/s12889-015-2014-9>.

Linkon S.L., Russo J. (2016) Twenty Years of Working-Class Studies: Tensions, Values, and Core Questions. *Journal of Working-Class Studies*, 1(1): 4–13.

Loveday V. (2015) Working-Class Participation, Middle-Class Aspiration? Value, Upward Mobility and Symbolic Indebtedness in Higher Education. *The Sociological Review*, 63(3): 570–588. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12167>.

Manstead A. (2018). The psychology of social class: How socioeconomic status impacts thought, feelings, and behaviour. *The British journal of social psychology*, 57(2): 267–291. <https://doi.org/10.1111/bjso.12251>.

Pakulski J., Walters M. (1996) *The Death of Class*. L.: Sage.

Roberts S. (2013) Boys Will Be Boys... Won't They? Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities. *Sociology*, 47(4): 671–686. <https://doi.org/10.1177/0038038512453791>.

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., Miles A. (2013) A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*, 47(2): 219–250. <https://doi.org/10.1177/0038038513481128>.

Toft M. (2019) Mobility closure in the upper class: assessing time and forms of capital. *British Journal of Sociology*, 70(1): 109–137. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12362>.

Willis P. (1977) *Learning to labour: how working class kids get working class jobs*. Farnborough: Saxon House.

Wright E.O. (2000) *Class counts*. Cambridge: Cambridge University Press.

Zweig M. (2011) *The Working Class Majority: America's Best Kept Secret*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

CULTURAL PRACTICES, NORMS, AND PREFERENCES OF RUSSIAN WORKING YOUTH AS COMPONENTS OF THEIR CLASS HABITUS

Tatiana Gavriilyuk (tv_gavrilyuk@mail.ru)

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Citation: Gavriilyuk T. Kul'turnyye praktiki, normy i predpochteniya rossiyskoy rabochey molodezhi kak sostavlyayushchiye yeye klassovogo gabitusa [Cultural practices, norms, and preferences of Russian working youth as components of their class habitus]. *Zhurnal*

sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(3): 110–143 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.6>.

Abstract. The article is aimed to study cultural practices, norms, tastes, preferences and ethical attitudes of Russian working-class youth as the features of class habitus. These characteristics have been considered as the factors of class positions and identities production of young people in a given social group. The theoretical and methodological basis of the research is the culture-oriented class analysis of P. Bourdieu, as well as the reflective analysis of class culture based on the categorical field of phenomenology. In accordance with international practice, the object of the research comprises not only industrial workers, but also young people of the new working class of modern Russia, employed in the service sector. The following basic features of cultural habitus have been analyzed in the article: the intensity of interpersonal communication; the specifics of the information space; dominant leisure practices; musical preferences; sports and health-preserving behavior; alcohol and drug consumption; class culture norms and ethical attitudes; assessment of the admissibility of offenses, aggression and physical violence; the degree of intercultural tolerance. The empirical foundation of the research was the qualitative data of 31 biographical interviews and the results of a mass survey of working-class youth — 1534 respondents living in the Urals Federal District. According to the results of the study, the financial barrier, the image of certain leisure spaces traditionally referred to “high” culture as closed to the working class, gender norms adopted in the working environment can be the significant factors that form the differences in the cultural practices of the working and middle class youth. The leisure time of the new working class young representatives is to a greater extent connected with the home space, which presupposes the fixation of the current parameters of social capital and the closure of class boundaries. An assessment of the main normative patterns of class culture that regulate young people’s behavior in a social setting indicates a low degree of interethnic and intercultural tolerance, as well as a high degree of normative relativism, manifested in tolerance for everyday illegal actions that can bring benefits. The data presented in the article can be helpful to the bodies of youth policy and cultural institutions to take measures aimed at increasing the level of working-class youth involvement in the urban space, preventing their marginalization and the closure of everyday life at the level of routine everyday practices.

Keywords: working-class youth, working class, cultural habitus, class culture, working-class culture, cultural practices.

Acknowledgements

This article was supported by the Russian Science Foundation grant no. 17-78-20062 “Life strategies of young people of the new working class in modern Russia.”

References

- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London; New York: Sage.
- Bennett A. (2011) The post-structural turn: some reflections 10 years on. *Journal of youth studies*, 14 (5): 493–506. <https://doi.org/10.1080/13676261.2011.559216>.

Boltanski L., Chiapello E. (2005) The New Spirit of Capitalism. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 18(3/4): 161–188.

Bottero W. (2004) Class identities and the identity of class. *Sociology*, 38(5): 985–1003. <https://doi.org/10.1177/0038038504047182>.

Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Cohen P. (1972) *Sub-cultural conflict and working class community. Working papers in cultural studies 2*. Birmingham: University of Birmingham.

Connell R.W. (1991) Live fast and die young: The construction of masculinity among young working-class men on the margin of the labour market. *The Australian and New Zealand Journal of Sociology*, 27(2): 141–171. <https://doi.org/10.1177/144078339102700201>.

Demie F., Lewis K. (2011) White working class achievement: An ethnographic study of barriers to learning in schools. *Educational Studies*, 37: 245–264. <https://doi.org/10.1080/03055698.2010.506341>.

Gavrilyuk T.V. (ed.) (2019) *Molodezh' novogo rabocheho klassa sovremennoj Rossii: Kollektivnaja monografija* [Youth of the New Working Class in Modern Russia: A Collective Monograph]. Moscow: FLINTA (in Russian).

Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. (1987) *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.

Holm L., Warde A. (2016) The practice of eating. *Review of Agricultural, Food and Environmental Studies*, 97: 277–279. <https://doi.org/10.1007/s41130-016-0031-4>.

Karavay A.V. (2016) Chelovecheskij kapital potomstvennyh rossijskix rabochix [Human capital of Russian hereditary workers]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 6: 107–124. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.07> (in Russian).

Karakhanova T.M., Bessokirnaya G.P., Bolshakova O.A. (2014) *Trud i dosug rabochix (programma, instrumentarij i nekotorye predvaritel'nye rezul'taty povtornogo issledovanija)* [Labor and leisure of workers (program, tools and some preliminary results of repeated research)]. Moscow: Institut sociologii RAN [<http://www.isras.ru/publ.html?id=3224>] (accessed: 05.03.2021) (in Russian).

Kim J.H., Park E.C. (2015) Impact of socioeconomic status and subjective social class on overall and health-related quality of life. *BMC Public Health*, 15: 783 <https://doi.org/10.1186/s12889-015-2014-9>.

Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A. (2013) *Rabochaja molodezh' Rossii: kolichestvennoe i kachestvennoe izmerenija* [Working youth of Russia: quantitative and qualitative measurements]. Moscow: CSI. [https://www.isras.ru/files/File/publ/rabochaya_molodeg.pdf] (accessed: 05.03.2021) (in Russian).

Linkon S.L., Russo J. (2016) Twenty Years of Working-Class Studies: Tensions, Values, and Core Questions. *Journal of Working-Class Studies*, 1(1): 4–13.

Loveday V. (2015) Working-Class Participation, Middle-Class Aspiration? Value, Upward Mobility and Symbolic Indebtedness in Higher Education. *The Sociological Review*, 63(3): 570–588. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12167>.

Manstead A. (2018) The psychology of social class: How socioeconomic status impacts thought, feelings, and behaviour. *The British journal of social psychology*, 57(2): 267–291. <https://doi.org/10.1111/bjso.12251>.

Omelchenko E., Nartova N. (eds.) (2013) *Pro telo. Molodezhnyj kontekst: sb. statej* [About a body. Youth context: A collection of articles]. St. Petersburg: Aleteija (in Russian).

Pakulski J., Walters M. (1996) *The Death of Class*. London: Sage.

Polukhina E.V., Vanke A.V. (2019) Identichnost' zavodskogo rabochego v post-sovetskom kontekste: etnograficheskoe kejs-stadi rajona Uralmash [The identity of the industrial worker in a post-Soviet context: an ethnographic case study of the Uralmash district]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 17(2): 237–252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252> (in Russian).

Roberts S. (2013) Boys Will Be Boys ... Won't They? Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities. *Sociology*, 47(4): 671–686. <https://doi.org/10.1177/0038038512453791>.

Samygin S.I. (2016) Rabochij klass: sociokul'turnyj analiz i strukturnye izmeneniya v obshhestve [Working class: sociocultural analysis and structural changes in society]. *Vestnik AGU* [Proceedings of AGU], 1: 154–161 (in Russian).

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., Miles A. (2013). A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*, 47(2): 219–250. <https://doi.org/10.1177/0038038513481128>.

Shinyaeva O.V., Artemyeva T.V. (2013) Otnoshenie rabochih promyshlennyh predpriyatij k trudu [Attitude of industrial workers to labour]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region* [Proceedings of higher educational institutions. Volga region], 3(27): 100–112 (in Russian).

Tikhonova N.E. (2014) *Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social structure of Russia: theory and reality]. Moscow: Novyj hronograf; In-t sociologii RAN (in Russian).

Toft M. (2019) Mobility closure in the upper class: assessing time and forms of capital. *British Journal of Sociology*, 70(1): 109–137. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12362>.

Willis P. (1977) *Learning to labour: how working class kids get working class jobs*. Farnborough: Saxon House.

Wright E.O. (2000) *Class counts*. Cambridge: Cambridge University Press.

Zabelin K.N. (2015) Rabochij klass kak sub'ekt sociokul'turnyh izmenenij [The working class as the subject of socio-cultural changes]. *Vlast'* [Power], 11: 135–138 (in Russian).

Zweig M. (2011) *The Working Class Majority: America's Best Kept Secret*. Ithaca, Cornell University Press.